

Загоскин Михаил Николаевич. Нежданные гости

OCR [Birty](#)

Оригинал находится здесь: [Russian Gothic Page - Dark Mood Literature](#)

Отец мой был человек старого века, - начал так Антон Федорович Кольчугин, - хотя, благодаря, во-первых, Бога, а во-вторых, родителей, достаток у него был дворянский, и он мог бы жить не хуже своих соседей, то есть - выстроить хоромы саженях на пятнадцать, завести псовую охоту, роговую музыку, оранжереи и всякие другие барские затеи; но он во всю жизнь ни разу и не подумал об этом; жил себе в маленьком домике, держал не больше десяти слуг, охотился иногда с ястребами и под веселый час так-то, бывало, тешится, слушая Ваньку-гуслиста, который - не тем будь помянут, - попивал, а лихо, разбойник, играл на гуслиях; бывало, как хватит "Заря утрення взошла" или "На бережку у ставка" - так заслушаешься! Но если батюшка мой не щеголял ни домом, ни услугою, то зато крепко держался пословицы: "Не красна изба углами, а красна пирогами". И в старину, чай, такие хлебосолы бывали в диковинку! Дом покойного батюшки выстроен был на самой большой дороге; вот, если кто-нибудь днем или вечером остановится кормить на селе, то и бегут ему сказать; и коли приезжие хоть мало-мальски не совсем простые люди, дворяне, купцы или даже мещане, так милости просим на барский двор; закобенились - так околицу на запор, и хоть себе голосом вой, а ни на одном дворе ни клока сена, ни зерна овса не продадут. Что и говорить; любил пображничать покойник! Бывало, как залучит к себе гостей, так пойдет такая попойка, что лишь только держись: море разливанное; чего хочешь, того просишь. Всяких чужеземных напитков сортов до десяти в подвале не переводилось, а уж об наливках и говорить нечего!

Однажды зимою, ровно через шесть месяцев после кончины моей матушки, сидел он один-одинехонек в своем любимом покое с лежанкою. Меня с ним не было: я уж третий год был на службе царской и дрался в то время со шведами. Дело шло к ночи; на дворе была метелица, холод страшный, и часу в десятом так заколодило, что от мороза все стены в доме трещали. В такую погоду гостей не дождешься. Что делать? Покойный батюшка, чтоб провести время до ужина, - а он никогда не изволил ужинать прежде одиннадцатого часу, - принялся за Четьи-Минею. Развернул наудачу и попал на житие преподобного Исакия, затворника печерского. Когда он дочел до того места, где сказано, что бесы, явившись к святому угоднику под видом ангелов, обманули его и, восклицая: "Наш еси, Исакий!", заставили его насильно плясать вместе с собою, то покойный батюшка почувствовал в душе своей сомнение, соблазнился и, закрыв книгу, начал умствовать и рассуждать с самим собою. Но чем более он думал, тем более казалось ему невероятным такое поущение Божие. Вот в самое-то его раздумье нашла на него дремота, глаза стали слипаться, голова отяжелела, и он мне рассказывал, что не помнит сам, как прилег на канапе и заснул крепким сном. Вдруг в ушах у него что-то зазвенело, он очнулся, слышит - бьют часы в его спальне ровно десять часов. Лишь только он было приподнялся, чтоб велеть подавать себе ужинать, как вошел в комнату любимый его слуга Андрей и поставил на стол две зажженные свечи.

- Что ты, братец? - спросил батюшка.

- Пришел, сударь, доложить вам, - отвечал слуга, - что на селе остановились приказный из города да козаки, которые едут с Дону.

- Ну так что ж? - перервал батюшка. - Беги скорей на село, проси их ко мне, да не слушай никаких отговорок.

- Я уж их звал, сударь, и они сейчас будут, - пробормотал сквозь зубы Андрей.

- Так скажи, чтоб прибавили что-нибудь к ужину, - продолжал батюшка, - и вели принести из подвала штоф запеканки, две бутылки вишневки, две рябиновки и полдюжины виноградного. Ступай!

Слуга отправился. Минут через пять вошли в комнату три козака и один пожилой человек в долгополом сюртуке.

- Милости просим, дорогие гости! - сказал батюшка, идя к ним навстречу.

Зная, что набожные козаки всегда помолятся прежде святым иконам, а